

«...ПОЛЮЖАЯ ГОРОДЬШИННИЦЯ ЖИРОШКИНА ДЪЦИ...» (К ВОПРОСУ
ОБ ОСНОВАТЕЛЬНИЦЕ НОВГОРОДСКОГО ЕВФИМЬИНА МОНАСТЫРЯ В
ПЛОТНИКАХ)¹

В конце XII в. в Новгороде к северу от Плотницкого (впоследствии Федоровского²) ручья на незаселенных землях³ были основаны два загородных монастыря. Один из них, Михалицкий Рождества Богородицы, — в 1199 г. княгиней (Еленой?), женой князя Ярослава Владимировича («...княгини Ярославля...»)⁴, другой, св. Евфимии, — в 1197 г. женой некоего Полюда Городьшиница, дочьрью Жирошки («...Полюжая Городьшиница Жирошкина дъци...»)⁵.

То обстоятельство, что Полюжая основала монастырь на Торговой стороне поблизости от проходившей в то время по Плотницкому ручью северной границы города⁶, может являться свидетельством в пользу связи ее (или ее мужа) с этой частью Новгорода. Для ответа на этот вопрос попытаемся реконструировать родословную основательницы Евфимьиного монастыря.

Мужем ее мог являться тот самый **Полюд**, который в 1215 г. во время конфликта новгородцев с князем Ярославом Всеволодовичем был в числе сторонников Ярослава («...пойде князь Ярославъ на Тържъкъ, пойма съ собою Твърдислава Михалковица, Микифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксу, и много бояръ, и одаривъ, присла въ Новъгородъ...»)⁷.

Анализируя события, предшествующие уходу Ярослава в Торжок (убийство прусами Овстрата и Луготы), В. Л. Янин предположил, что, по-видимому, князь поддержал совершивших это убийство прусов, из чего следовало, что группа новгородских союзников князя была связана с Прусской улицей⁸. Не соглашаясь с В. Л. Яниным, А. В. Петров считал, что Ярослав наоборот осудил убийц («...князь же о томъ пожали на новгородѣ...»)⁹, и поэтому, даже несмотря на весьма вероятную принадлежность к прусскому боярству Твердислава Михалковича, по мнению исследователя, территориальная привязка остальных сторонников Ярослава Всеволодовича остается проблематичной¹⁰.

Еще раз Полюд (тот же самый?) упоминается в летописной статье 1224 г. в числе участников новгородского посольства (вместе с Вячеславом Прокшиничем и Иванкой Яршевичем) к князю Юрию Всеволодовичу в Торжок¹¹.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-00285а).

² Дубровин Г. Е. К вопросу о Федоровском ручье в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 211–218.

³ О том, что эти территории в конце XII в. еще не имели городской застройки, свидетельствуют археологические данные: Воронова М. А. Раскопки на ул. Мстинской в г. Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 15; Еришевский Б. Д. Новые материалы по топографии северо-восточной части Плотницкого конца // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1994. С. 42–45; Еришевский Б. Д. Датировка строительных ярусов Андреевского раскопа-I по результатам дендрохронологического анализа // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998. С. 40–44; Степанов А. М. Работы на Андреевском II раскопе в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 14–21; Степанов А. М., Соловьев Д. И. Работы на Андреевском II раскопе в сезоне 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2000. Вып. 14. С. 21–23.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (далее — НПЛ). С. 44; Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. III. С. 168.

⁵ НПЛ. С. 43.

⁶ Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения-2. Новгород, 2004. С. 227, 230–231.

⁷ НПЛ. С. 54.

⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 184.

⁹ НПЛ. С. 54.

¹⁰ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. СПб., 2003. С. 175–176.

¹¹ НПЛ. С. 64.

Имя Полюд представлено в четырех берестяных грамотах:

№ грамоты	Раскоп	Усадьба	Датировка	Текст
350	Неревский	Д	II четв. XIII в.	Ѡ Стъпана и о матери ко <i>Полюдоу</i> восоли рожи конь продаво ¹²
710	Троицкий	И, П	90-е годы XII в.	...а у <i>Полюд[а]</i> (в) [ъ]зьми: [ѡ: г]ривъне бе шести ногатъ... ¹³
793	Троицкий	Е	60–80-е годы XII в.	...о(в)са съ възъ и вези же въ село ко Ра... ...оу Илькѡ оу <i>Полюжа</i> старостѡ ¹⁴ . Аче ти сѡ... ...ти, а [с]амъ не мог(и)... ¹⁵
878	Троицкий	С	I четв. XII в.	...а ѡ ж(е о)багорю васъ, а за <i>Полоуда</i> ... или есте... ¹⁶

Привлечение грамот № 350 и 878 не совсем корректно с точки зрения хронологии (II четв. XIII в. и I четв. XII в. соответственно).

Грамота № 793 была найдена на усадьбе Е Троицкого раскопа, которая, как показали исследования последних лет, на протяжении XI–XII в. являлась административным центром, связанным с различными общественными институтами¹⁷. С одной стороны, деятельность этого административного центра осуществлялась на кончанском уровне¹⁸, а с другой, по крайней мере в периоды возвышения людинского боярства и занятия его представителями посадничьей степени, здесь, вне всяких сомнений, могли функционировать и общегородские магистратуры (например, сместной суд князя (или его представителя) и посадника в сер. XII в. и на рубеже XII–XIII в.¹⁹). Поэтому говорить о частном владельце троицкой усадьбы Е в XI–XII в. не приходится, а связь лиц, упомянутых в найденных на ее территории грамотах, с Людиным концом в принципе возможна, но вовсе не обязательна.

Надо также иметь в виду, что в грамоте № 793 Полюд вообще упомянут лишь косвенно, как, впрочем, и в грамоте № 710. Однако фрагменты последней были найдены на имевших частных владельцев троицких усадьбах И и П, поэтому с определенной долей вероятности привязку Полюда к одной из них все-таки можно допустить.

С отцом Полюда Городшничя В. Л. Янин и А. А. Зализняк сочли возможным сопоставить некоего **Городку**, упомянутого в текстах двух берестяных грамот с Троицкого раскопа: № 633 (усадьба Ж; сер. 20-х — сер. 50-х годов XII в.) («...с[ъ]кыроу *Городкоу*...»)²⁰, а также № 853 (усадьба Е;

¹² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 478.

¹³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. Т. X. С. 10–11 (далее — НГБ. 1990–1996).

¹⁴ Староста Полюда — Илька, по-видимому, упомянут также и в найденных на территории усадьбы Е Троицкого раскопа грамотах № 834 (сер. XII в.) и 842 (II четв. XII в.) (Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). М., 2004 (далее — НГБ. 1997–2000). С. 5, 53–54, 57–58).

¹⁵ НГБ. 1997–2000. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Янин В. Л. Истоки новгородской государственности. Новгород, 2001.

¹⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 182; Гиппиус А. А. О некоторых персонажах новгородских берестяных грамот // НГБ. 1997–2000. С. 180.

¹⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 182.

²⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993 (далее — НГБ. 1984–1989). Т. IX. С. 34–35; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 288.

сер. 20-х — сер. 50-х годов XII в.) (на обороте, не относящееся к основному тексту: «Городьшинее»)²¹. Несмотря на то что в первой из грамот Городко упомянут лишь косвенно, а вторая происходит с троицкой усадьбы Е (см. выше), в принципе возможна предположительная территориальная привязка Городки (и, соответственно, Полода Городшинича) к Людину концу.

Отца Положей можно отождествить с посадником **Жирославом**, сторонником суздальских князей, занимавшим посадничью степень три раза: в 1169—1171, 1171—1172 и 1175 г. в обстановке ожесточенной борьбы группировок новгородского боярства, ориентированных на различные княжеские дома²².

В. Л. Янин считал, что Жирослав был боярином Людина конца. Основанием для такой гипотезы послужили две берестяные грамоты (№ 573 и 657), найденные на Троицком раскопе на усадьбах Е и Г соответственно²³. В обеих грамотах встречается имя Жирослав, что и позволяет, по мнению исследователя, связать посадника Жирослава с одной из указанных усадеб и, следовательно, с людинским боярством²⁴.

В грамоте № 657 (усадьба Г; сер. 50-х — сер. 90-х годов XII в.) некая Пелага сообщает Алфимии²⁵, что ее деньги, полученные от Домацка и предназначенные для Варварина монастыря, находятся в городе (т. е. в Новгороде) у Жирослава («...въверице твое въ городъ ѿ Домацка, а оу Жирослава соуть...»). В связи с этим Алфимии предлагается поскорее вернуться в Новгород («...а потоснися въ городъ...»). В. Л. Янин, анализируя текст данной грамоты, предположил, что Алфимия оставила полученное ею от Пелаги письмо у Жирослава, предъявив его как рекомендацию для получения у Жирослава свои деньги²⁶.

Что же касается грамоты № 573 (усадьба Е; 60—70-е годы XII в.), то из ее текста, сохранившегося лишь фрагментарно, можно сделать вывод только о каких-то связях Жирослава с Имоволжским погостом²⁷ («...Имъволожъ Жиросла(в)...»).

Как следует из вышесказанного, в рассмотренных В. Л. Яниным грамотах Жирослав не является ни адресатом, ни адресантом, что само по себе уменьшает степень вероятности соотнесения его с троицкими усадьбами. Более того, как уже было сказано выше, грамоты, найденные в напластованиях II—IV четв. XII в. на троицкой усадьбе Е, не могут быть использованы для территориальной привязки упомянутых в них персонажей, что заставляет исключить из рассмотрения грамоту № 573.

Текст же грамоты № 657 с усадьбы Г, где упоминается Варварин монастырь, может свидетельствовать просто о территориальной близости этого монастыря к месту находки и о связи усадеб, располагавшихся на Черницьинной улице, ведущей к обители св. Варвары и из-за этого получившей свое название, с указанным монастырем. По мнению А. Е. Мусина, вполне вероятно возможность проживания инокинь на городских усадьбах (в частности, на усадьбе Г Троицкого раскопа), что объясняется тем, что в это время городскими монастырями (в том числе и Варваринским) практиковался идиоритмический, или своекоштный, а не киновийный (общежительный) дисциплинарный устав²⁸.

Если же предположить, что адресат грамоты № 657, Алфимия, не была инокиней, то связь ее с троицкой усадьбой Г обретает потенциально «владельческий» характер²⁹ и становится более вероятной,

²¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 288—289.

²² НПЛ. С. 34—35; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 504.

²³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986 (далее — НГБ. 1977—1983). С. 40; НГБ. 1984—1989. С. 50—51; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 397—398, 454.

²⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 169—170.

²⁵ А. Е. Мусин считает, что упомянутую в грамоте Алфимию, скорее всего, следует понимать как Евфимию, т. е. Положую — основательницу Евфимьиного монастыря (Мусин А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 110—111). В вопросе о вероятном имени Положей он солидарен с В. С. Передольским (Передольский В. С. Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1889. С. 134).

²⁶ НГБ. 1984—1989. С. 51.

²⁷ Данный погост упомянут еще в одной берестяной грамоте с этой же усадьбы (№ 885), текст которой и позволил определить его местоположение в верховьях р. Мсты (Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 13—14).

²⁸ Мусин А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви. С. 111, 117.

²⁹ Хотя, судя по тексту грамоты, в момент ее получения Алфимия находилась вне Новгорода (вероятно, в каком-то своем загородном владении), где, кстати, содержалась и «...стве Варъварь тълци...» (см.: НГБ. 1984—1989. С. 51).

чем привязка к этой усадьбе косвенно упомянутого в грамоте Жирослава или же монахини Пелагии. Основываясь на вышесказанном, а также на гипотезе о том, что основательницу Евфимьи монастыря звали Евфимией (Алфимией) (см. выше сноску 24), можно утверждать, что связь мужа Евфимии, Полюда, с Людиным концом находит здесь еще одно подтверждение (усадьба Г). Что же касается самой Евфимии, то к ее характеристике добавляется то обстоятельство, что еще до основания монастыря в Плотниках она вносила средства в людинский Варварин монастырь.

Имя Жирослав и возможные производные от него³⁰ представлены также в берестяных грамотах № 67 (Жирослав), 115 (Жирочка), 237 (Жироша), 434 (Жирячь), 454 (Жирко), 573 (Жирослав), 630 (Жирко), 729 (Жирко), 801+802 (Ж...) (?), 806 (Жи...) (?), 824 (Жирко), 851 (Жирочка), 879 (Жирята)³¹, 954 (Жирочка)³².

Анализ этих грамот показал следующее.

С точки зрения хронологии сразу же можно исключить из рассмотрения берестяные грамоты № 67 с Неревского (нач. XIV в.), № 434 с Ильинского (I четв. XII в.)³³ и № 954 с Троицкого раскопа (I четв. XII в.)³⁴.

Грамоты № 801+802 (посл. четв. XII в.) («(покла)на^нъе (ѡ)...е къ Ж...»); № 806 (60–80-е годы XII в.) («...а Жи... за(сла)ло въ погост въ ве^х...»); № 824 (II четв. — сер. XII в.) («ѡ Жирѣка къ Завиду...»); № 851 (II четв. — сер. XII в.) («...[Го]стиле оу Жирѣке ви...»); № 879 (II четв. XII в.) («ѡ Жирѣть поклонание ко Радѣть...»)³⁵ были найдены на усадьбе Е Троицкого раскопа в бытность ее административным центром и, стало быть, для убедительной территориальной привязки Жирослава непригодны (см. выше).

В сохранившемся фрагменте грамоты № 115 с усадьбы А Неревского раскопа (посл. четв. XII в.), адресованной от Прокши к Нестору, Жирочка упомянут косвенно, что делает проблематичной его связь с Неревским концом в целом и усадьбой А в частности.

Берестяная грамота № 237 с усадьбы И Неревского раскопа (60-е годы XII в. — I четв. XIII в.) адресована от Бориса к Станиле и Жироше, где адресант обвиняет последних в том, что по их вине его «въ[лоца]», т. е. таскают в суд (?)³⁶. Поскольку Жироша является одним из адресатов, то его связь с неревской усадьбой И вполне допустима.

Грамота № 454 с Тихвинского раскопа (посл. четв. XII в.) сообщает о том, что «Жирѣке Гамизиле даль коунь...»³⁷. Данный текст вряд ли может служить доказательством связи упомянутого здесь Жирки с исследованной на раскопе территорией.

В грамоте № 630 с усадьбы З Троицкого раскопа (20-е — сер. 50-х годов XII в.) представлен список должников. В частности, здесь говорится, что «Оу Жирока поло гривнь^нь Онъковица»³⁸. Оснований для соотнесения Жирки Онъковича с усадьбой З недостаточно.

В грамоте № 729 с усадьбы И Троицкого раскопа (40-е — сер. 90-х годов XII в.) представлен фрагмент какого-то списка имен, в котором два раза встречается имя Жирко («Жироке»). Как видим, текст

³⁰ Не исключено, что какая-то часть этих производных может быть связана и с другими именами, например, Жировит (см. берестяную грамоту № 246 (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 280–281), а также: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 115).

³¹ Янин В. Л. Введение // НГБ. 1997–2000. С. 5.

³² Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 года // Вопросы языкознания. 2006. № 3. Благодарю В. Л. Янина, любезно предоставившего мне текст берестяной грамоты № 954 с датировкой и комментариями еще до публикации.

³³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 534, 275.

³⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 года.

³⁵ НГБ. 1997–2000. С. 29–30, 33, 45, 64, 82.

³⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 374.

³⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 г. М., 1978. С. 52–53; НГБ. 1984–1989. С. 169.

³⁸ НГБ. 1984–1989. С. 32.

грамоты свидетельствует в большей степени не о связи некоего Жирки (точнее, двух человек с таким именем) с данной усадьбой, а, скорее, о распространенности этого имени в Новгороде во второй половине XII в.

Таким образом, можно говорить о том, что связь Жирослава с усадьбами Троицкого раскопа и, соответственно, с Людиным концом вряд ли можно считать убедительно доказанной. Что же касается заметного числа берестяных грамот с именем Жирослав (и возможными производными от него), найденных на территории людинского административного центра на троицкой усадьбе Е, то, во-первых, совершенно не обязательно все они должны быть связаны именно с интересующим нас Жирославом — отцом Положей (см., например, грамоту № 729, где упомянуты два Жирки), а во-вторых, в бытность свою посадником (т. е. общегородским магистратом) Жирослав, естественно, должен был каким-то образом взаимодействовать с государственными органами, базирующимися в разных городских концах.

Кроме того, говоря о территориальных привязках персонажей берестяных грамот, надо всегда иметь в виду, что на сегодняшний день мы не обладаем необходимым археологическим материалом по Торговой стороне, достаточным для корректного сопоставления с многочисленными находками крупномасштабных Троицкого и Неревского раскопов Софийской стороны.

В отличие от В. Л. Янина, Н. Л. Подвигина и А. В. Петров считали Жирослава славенским посадником, относя его к античерниговской (или просуздалской) боярской группировке Торговой стороны (Славенского конца)³⁹. Основанием для идентификации этой группировки послужили события 1157 г., когда Торговая сторона, в противовес Софийской, выступила за князя Мстислава Юрьевича⁴⁰.

Родственником Положей мог быть и боярин **Борис Жирославич**, который в 1195 г. с посадником Мирошкой Несдиничем и сотским Микифором ездил к князю Всеволоду Юрьевичу «просяче сына, а Ярослава негодующе...», после чего был вместе с остальными послами задержан Всеволодом и отпущен, вероятно, ок. 1196 г.⁴¹

Еще В. С. Передольский высказал предположение, что Борис Жирославич был братом Положей. При этом он довольно образно представил свою версию основания Евфимьина монастыря, в которой «сестра, скучающая о брате (находящемся в плену у князя Всеволода Юрьевича. — Г. Д.) и утешающая себя молитвою о нем, могла, по обычаю своего времени, обещать соорудить церковь и монастырь великомученицы Евфимии, если она сохранит брата ее здорово и невредимо. По возвращении его Евфимия (Положая. — Г. Д.) исполнила обет свой... соорудила церковь и учредила монастырь»⁴².

Отцом и сыном считают Жирослава и Бориса Жирославича Н. Л. Подвигина и А. А. Гиппиус, причем если Н. Л. Подвигина относит их к боярству Славенского конца⁴³, то А. А. Гиппиус, вслед за В. Л. Яниным, к людинскому боярству⁴⁴.

В целом, соглашаясь с версией о славенской принадлежности посадника Жирослава и Бориса Жирославича⁴⁵, а также считая их отцом и сыном⁴⁶, попытаемся привести собственные аргументы в пользу данной гипотезы.

³⁹ В нее, по их мнению, кроме Жирослава, входили также Константин Микулинич, Полюд Константинович, Судила Иванкович, Нежата Твердятич и т. д. (Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. С. 124, 128; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. СПб., 2003. С. 146).

⁴⁰ НПЛ. С. 30; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. С. 124, 128; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. С. 146.

⁴¹ НПЛ. С. 42.

⁴² Передольский В. С. Новгородские древности. Записки для местных изысканий. С. 134. Судя по данным В. Н. Татищева, Борис Жирославич был освобожден вместе с сотским Микифором, причем князь Всеволод Юрьевич поручил им предьявить новгородцам от его лица ультиматум о выводе в течение двух месяцев из Новгорода князя Ярополка Ярославича (Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. III. С. 164). Весьма показательным является то, что вслед за этим практически одновременно были основаны Евфимьин монастырь и церковь св. Никифора (!) на Острове (НПЛ. С. 43). И хотя ктитором последней назван архиепископ Мартирий, тем не менее, совпадение достаточно любопытно.

⁴³ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. С. 124.

⁴⁴ Гиппиус А. А. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 54.

⁴⁵ Следует отметить, что аргументация Н. Л. Подвигиной и А. В. Петрова (см. выше) не выглядит убедительной, поскольку зиждется на необоснованной экстраполяции политического противостояния Торговой и Софийской сторон в 1157 г. на более поздний период.

⁴⁶ Тем более что по письменным источникам нам известны новгородские деятели того времени с именем Жирослав, которые могли бы претендовать на родственные связи с Борисом и Положей (Евфимией?).

В связи с этим следует обратиться еще к одному персонажу, а именно к боярину **Семену Борисовичу**. Будучи сторонником черниговских князей, в 1215 г. он участвовал в посольстве к князю Ярославу Всеволодовичу, который «...зая...вѣршь на Търожку, не пусти въ городъ (Новгород. — Г. Д.) ни воза...»⁴⁷. Затем в 1219 г. Семен Борисович стал посадником⁴⁸, а в 1230 г., уже лишившись посадничества и являясь союзником посадника Внезда Водовика, он был убит восставшими новгородцами, после чего Водовик и брат Семена Борисовича Глеб с другими представителями прочерниговской группировки бежали в Чернигов к князю Михаилу. Похоронен был Семен Борисович в Юрьеве монастыре⁴⁹. Славенская принадлежность Семена Борисовича не вызывает сомнения ни у кого из исследователей⁵⁰, основанием для чего служит строительная деятельность этого боярина и его жены на территории Славенского конца⁵¹.

Можно предположить, что отцом Семена Борисовича был не кто иной, как упоминавшийся выше Борис Жирославич, а дедом — посадник Жирослав. По крайней мере, хронология этому не противоречит, а номенклатура известных из письменных источников имен новгородских бояр того времени свидетельствует о допустимости такой гипотезы.

Рассмотрим других возможных претендентов на роль отца Семена Борисовича.

1. **Борис Мирошкинич**, сын известного людинского посадника Мирошки Несдинича⁵². Главным аргументом в пользу родства Бориса и Семена является то, что Семен Борисович и брат Бориса Мирошкинича Дмитрий вслед за Мирошкой Несдиничем были похоронены в Юрьеве монастыре⁵³, что было явлением экстраординарным, поскольку ранее в данной обители хоронили только представителей княжеских семей⁵⁴. Этот труднообъяснимый факт явился для А. А. Гиппиуса одним из доказательств не только родства между указанными персонажами, но и, в свою очередь, их родственных связей с княжеским домом⁵⁵.

Здесь, видимо, надо принять во внимание следующие обстоятельства. Мирошка Несдинич незадолго до смерти в 1203 г. принял постриг в Юрьеве монастыре⁵⁶, вследствие чего, что вполне естественно, и был здесь похоронен. Дмитрий Мирошкинич, умерший в 1207 г.⁵⁷ во Владимире от ран, полученных в битве под Пронском, конечно же, юрьевским монахом при жизни стать не мог, но похоронен был в Юрьеве рядом с отцом, о чем имеется особое указание в летописном тексте («подъле отця») ⁵⁸. Если следовать гипотезе А. А. Гиппиуса, то Борис Мирошкинич, предполагаемый отец Семена Борисовича, тоже должен был бы найти здесь место своего последнего упокоения, однако информация о дате его смерти и месте захоронения в письменных источниках отсутствует⁵⁹. Известно

⁴⁷ НПЛ. С. 54.

⁴⁸ Там же. С. 59.

⁴⁹ Там же. С. 69–70.

⁵⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 184–185; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 166; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. С. 181; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. С. 185.

⁵¹ НПЛ. С. 63, 70.

⁵² Там же. С. 50–51.

⁵³ Там же. С. 45, 51, 70.

⁵⁴ Естественно, не считая монахов.

⁵⁵ Гиппиус А. А. «Соуть людие новгородьци от рода варяжьска...» // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 63–64.

⁵⁶ НПЛ. С. 45.

⁵⁷ Датировка по В. Л. Янину (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 164. Прим. 69).

⁵⁸ НПЛ. С. 51.

⁵⁹ Следует отметить, что среди захоронений Георгиевского собора Юрьева монастыря, обследованных М. К. Каргером (Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935 гг.) // Советская археология. 1946. Т. VIII), нет ни одного, которое можно было бы даже предположительно считать принадлежащим Борису Мирошкиничу (см. ниже). Не свидетельствует ли это о том, что для того, чтобы быть похороненным в Георгиевском соборе, одной принадлежности к роду Мирошкиничей было недостаточно, но надо было быть еще и посадником (или просто быть посадником, не обязательно являясь Мирошкиничем)?

лишь, что после разгрома Мирошкиничей он был в 1208 г.⁶⁰ захвачен князем Святославом Всеволодовичем и отправлен к его отцу — великому князю Всеволоду Юрьевичу⁶¹.

Что же касается Семена Борисовича, то, судя по летописному сообщению об обстоятельствах его убийства⁶², не может быть и речи о его пострижении в Юрьеве монастыре. Поэтому причина захоронения его в этой обители неясна, из чего, собственно, и вытекает вполне логичная версия А. А. Гиппиуса о родстве Семена Борисовича с Мирошкиничами.

Однако не следует ли искать здесь причину в том, что именно в это время, т. е. при юрьевском игумене Савватии (1194—1226 г.), была учреждена новгородская архимандрития на базе Юрьева монастыря, в результате чего монастырь изменил свой статус и приобрел особые права, став привилегированной усыпальницей новгородской знати?⁶³ И не говорит ли о какой-то общей тенденции и о зарождающейся новой традиции то, что вслед за этим появляются посадничьи захоронения и в Софийском соборе⁶⁴? Последнее обстоятельство, с одной стороны, может свидетельствовать о возрастающей роли республиканского института посадничества на протяжении XIII в.⁶⁵, а с другой — о прогрессирующей амбициозности боярской верхушки Новгорода.

М. К. Каргер, исследовавший некрополь Георгиевского собора Юрьева монастыря, убедительно доказал, что два захоронения, находившиеся в северо-западном компартименте собора (№ V, VI), принадлежали Мирошке и Дмитру Мирошкиничу. Отец и сын были похоронены в размещенных рядом друг с другом кирпичных склепах, разделенных тонкой кирпичной же стенкой.

Еще один аналогичный склеп (№ VII), обнаруженный у юго-западного столба храма в западном нефе, по мнению исследователя, принадлежал посаднику Семену Борисовичу⁶⁶. Полемизируя с М. К. Каргером, В. Л. Янин аргументированно обосновал, что последнее погребение является монашеским (предположительно архимандрита Савватия), поскольку в нем были обнаружены фрагменты кожаного пояса с изображениями праздников, архангелов и херувимов, а также вериги в виде железной цепи⁶⁷. Данное захоронение вместе с двумя располагавшимися рядом с ним монашескими погребениями в деревянных колодах В. Л. Янин интерпретировал как комплекс захоронений игуменов Юрьева монастыря⁶⁸.

Если принять во внимание то, что все остальные погребения из Георгиевского собора были княжескими⁶⁹, получается, что на сегодняшний день могилы Семена Борисовича здесь так и не обнаружено. Единственным местом, где еще она может находиться, является небольшой неисследованный участок в центре северного нефа у стены, где располагается рака архиепископа Феоктиста, останки которого были перенесены из упраздненного Благовещенского монастыря в 1786 г.⁷⁰ Отсюда следует, что даже если

⁶⁰ Датировка по В. Л. Янину (*Янин В. Л. Новгородские посадники*. Прим. 69. С. 164).

⁶¹ «...и дѣловаша новгородци чѣстныи хрестъ, яко «не хочемъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домажировиця; и поточи я князь (Святослав Всеволодович. — Г. Д.) къ отцу, а на инѣхъ серебро поимаша бещисла» (НПЛ. С. 51).

⁶² НПЛ. С. 70.

⁶³ *Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения*. М., 1977. С. 142—143. По мнению А. А. Гиппиуса, это произошло в 1194 г. и было приурочено к поставлению нового игумена Савватия, причем, как считает исследователь, данная акция могла быть связана с инициативой князя Ярослава Владимировича и отвечала его интересам (*Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника*. М., 2005. С. 11—25).

⁶⁴ Здесь были похоронены посадники Степан Твердиславич (1243 г.) (с женой) и Михаил Федорович (1268 г.) (*Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора*. М., 1988. С. 192).

⁶⁵ *Янин В. Л. Новгородские посадники*. С. 492—493.

⁶⁶ *Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935 гг.)*. С. 206—208, 220—222.

⁶⁷ М. К. Каргер считал, что это остатки оков, которыми Семен Борисович был якобы скован перед своей насильственной смертью, а затем в них и похоронен (Там же. С. 208. Рис. 38).

⁶⁸ *Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора*. С. 99—101.

⁶⁹ Кроме письменных источников, об этом свидетельствуют также и результаты исследований М. К. Каргера (см.: *Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935 гг.)*).

⁷⁰ *Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора*. С. 90, 101.

здесь в дальнейшем и будет найдено захоронение Семена Борисовича, то, находясь на значительном расстоянии от могил Мирошки Несдинича и Дмитра Мирошкинича, оно никак не будет образовывать с ними единого «фамильного» комплекса⁷¹, что свидетельствует явно не в пользу возможных родственных связей между данными посадниками.

И все-таки основным аргументом, решительно препятствующим родству Бориса Мирошкинича с Семеном Борисовичем, остается то, что Борис был настолько же однозначно связан с Людиным концом, насколько Семен — со Славенским. Пытаясь преодолеть это противоречие, А. А. Гиппиус, все-таки считая их отцом и сыном, вынужден был даже предложить маловероятную версию переселения Бориса после разгрома Мирошкиничей в Славенский конец⁷².

2. Тысяцкий Борис Негочевич⁷³. Хорошо известный в дальнейшем как главное действующее лицо драматического сюжета о «Борисовой чади», он был, как и Семен Борисович, союзником посадника Внезда Водовика и принадлежал к прочерниговской боярской группировке. В некоторых летописных статьях Семен Борисович и его брат Глеб фигурируют вместе с Борисом Негочевичем, однако нигде нет даже намека на их родство с ним⁷⁴.

Таким образом, вполне возможно, что отцом славенского боярина и посадника Семена Борисовича действительно мог быть Борис Жирославич, а дедом — посадник Жирослав, который в таком случае также может быть отнесен к славенскому боярству.

Судя по сообщению Новгородской первой летописи Семен Борисович построил в 1224 г. на Славне храм св. Павла Исповедника с приделами св. Симеона Богоприимца и свв. Константина и Елены⁷⁵. Новгородская третья летопись дополняет данную статью свидетельством об одновременном учреждении в этой церкви «на полатех» еще и престола свв. Бориса и Глеба⁷⁶. Таким образом, мы имеем здесь перечень святых покровителей самого Семена Борисовича (св. Симеон Богоприимец) и представителей его рода: отца и брата (свв. Борис и Глеб⁷⁷), вероятно, матери и/или кого-то еще из родственников (?) (свв. Константин и Елена) и некоего Павла (св. Павел Исповедник). А. А. Гиппиус, рассматривая строительную деятельность Семена, предположил, что храм св. Павла Исповедника был возведен в честь одного из его предков⁷⁸. Вполне соглашаясь с такой гипотезой, можно допустить, что имя Павел было крестильным именем деда Семена Борисовича, посадника Жирослава, известного летописям только под своим светским именем.

Обобщая все вышесказанное, можно говорить о существовании славенской боярской династии, включающей в себя посадника Жирослава (Павла?), его детей — Бориса и Полюжю (Евфимию?) и внуков — посадника Семена и Глеба Борисовичей.

Таким образом, в 1197 и 1199 г. на еще не освоенных землях, впоследствии вошедших в территорию Плотницкого конца, были основаны два монастыря, один (Евфимий) — урожденной славенской боярыней, женой жителя Людина конца, и другой (Михалицкий) — княгиней. Отсюда может следовать, что в это время Плотницкий конец как таковой, вероятно, еще не оформился даже к югу от Плотницкого ручья,

⁷¹ Погребения некрополя Георгиевского собора (за исключением монашеских) образуют именно такие комплексы: Федор Ярославич и его мать княгиня Евфросиния (два стоящих рядом саркофага); Изяслав-Михаил и Ростислав Ярославичи (двойной саркофаг); Дмитрий Юрьевич Шемяка и его дочь Мария (в одном саркофаге) и, наконец, Мирошка и Дмитр Мирошкинич (два стоящих рядом склепа) (Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935 гг.). С. 200–206; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 92–98, 106–111).

⁷² Гиппиус А. А. «Соуть людие новгородьци от рода варяжьска...». С. 63.

⁷³ НПЛ. С. 67, 70–72, 472.

⁷⁴ Там же. С. 70, 71.

⁷⁵ Там же. С. 63.

⁷⁶ Новгородские летописи. Рязань, 2002. С. 202.

⁷⁷ В. Л. Янин высказывал мнение, что в действительности брата Семена звали не Глеб, а Миша (Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 16–17), однако, как видим, название одного из престолов храма св. Павла Исповедника свидетельствует против этой версии. Глеб Борисович погиб в 1238 г. во время обороны Торжка от татар (НПЛ. С. 76).

⁷⁸ Гиппиус А. А. «Соуть людие новгородьци от рода варяжьска...». С. 65.

поскольку в противном случае получалось бы, что на непосредственно примыкавших к нему с севера территориях занимались монастырским строительством лица, напрямую с Плотницким концом не связанные, что вряд ли возможно в контексте традиций новгородского ктитинства⁷⁹.

С другой стороны, сам факт основания Евфимьина монастыря женой людинского (пруско-людинского?) боярина можно рассматривать как самое раннее свидетельство участия аристократии юго-западной части Новгорода в освоении земель будущего Плотницкого конца, что в дальнейшем явилось одной из предпосылок для формирования прусско-плотницкой боярской группировки.

---

⁷⁹ См., например: *Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 165–167.*